

Г. ПЕТНИКОВ
ПОРΟΣЛЪ
СОЛНЦА

ГРИГОРИЙ ПЕТНИКОВ

ПОРОСЛЬ СОЛНЦА

ПЕТЕРБУРГ

1922

Р. В. Ц. № 47 Зак. № 918. 1400 экз.

И. И. Иванов 2-я Госуд. типография. Москва 1925 г. 11.

поросль солнца

За взрывами весенней воли,
По золоту тяжелых крыл—
Подробный вылет темной доли
Твой дикий воздух взором взрыл

И тягу двух таят оплечий
Венцы словямые дивес,
Что грозной полыби полетье,
В суровом былье влажный мнестр.

Приди в предсмертии конечном —
В края отрепетных морян
И пламенем, что лавой белой
Ты опылай погул полян.

Петроград, 917.

Пятнистою рудой в корнях,
Еще невоспоенных влагой,
Ты холодеешь тело рослого ствола
И твой добыток—равнодушье блага.

Но снами томятся подземий
Пласты плодоносных кровей,
И твой высинеет отсевок
Изумрудами мрущих ветвей.

О, младеющий вемою в быте
Непременную владою плодов,
И упевами выполнен, выпит
Соловьями расплеснутый дол.

1916.

Как медленный полет птицы,
Летащей к знакомому вечернему дереву,
Как ясеня' серебряного сень
Несет отблеск всеневозможной выси
И доводы ветра, как шорох полесий
Узорами северной вицы
Воспетая теплым поморием мысль.

И ветви зеленой веры
Осеняют, отдав синеве
В поединок тяжелое лето,
Небодара холонущий серп.

Значит пламенно облаку верить,
Заростать купиною звезд,
Чтоб полуденно голубоперой
Просияла вечаная повесть.

1915.

заповедное слово

Берез серебряные ризы
На роз сменяют утр подвой,
Как зорек блеска взлетный вызов
Всеневозможных древних хвой

Так вот, за окраину рока,
В неверную нѣмую глушь
Это пев голубеет высоко,
Что росяный, рослый покой.

И в ровное море грома
Обломок червонного дня:
Овсяные никнут токи
От серых сетей дождя.

Царское село, 1916.

посмертье

В кору хоронят соки слепо
Раденья вербных тонких вен,
И хладами вскормленный север
Уже заведомо забвен.

А вот когда в весны предсердьях
Встает аорты тяжелой ярь,
Ты володом каких посмертий
Вздыхаешь целины испарь?

1916.

Пыл липы весенней не свеяв
С набережий ее сироту
Розоцветом,—дорогой небесий
Вечерами собирает круту

Достоверно немея от дневий,
Полыхающих влагу—голубь,
Бологами плавает улевый,
Обернувший перуна главу

Аль не холодом лога владая
Молодая зайдетса серьга,
На златистых витая стаях,
Как отгула литая листва.

Москва 1916.

теплоросье

Теплоросье. Троица. Утро русича.
И коня ветрового заковывать уздой,
Травы вяжут веру земною рукой

И в купель голуболапую упево
Золотеет тьмю, родом, радою капель.

С неба—травы—и о твой затравок
Колыбееет вменно черноземий пев.

Травы. Окрая
Полосы синие—взрывы легчайшие
Неба—
Ленные мравы.

И станут травы умирая—вянуть,
И негу вемую давнозабытых дней
Развеет степи песнь,
Голубопенная, открытая вечаль,
Вечерняя печаль.

И станут немо отовсюду веять
Напев знакомый ввечеру,
И ночь уже синебая младает,
Ловя лучей мелькнувшую игру.

1914.

Говорит подгромок старшему своему брату:

Дождя дар силу листную радует,
Дождя жадною золотые струи
Ра собрал за арбою жаркою в гром
небесный

И нежны женные дивни трав,
И земле долу зореника лесная.

Серый мнев вот листья зелелея
Изумрудом мурома и млавы
Веснеструйна лава!
Да обряды брата скажут в четких каплях:
Будь свежее!

узор сна

За жолтый и густевший луч,
За голубую лапу пади!
Кружась о заросли морозных туч
Застывшие чужие глади

И постав общей белизны,
Как сгусток инея возник...

Мороза сedy и в отчужденный день
Твой тонок дым—медлительная поступь
И ветер в реях не толкнувши воздух,
Остановил свои гряды...

Встает весенний Лей
Тепла лелеемого лепо,
И стает в синей лапе падь—
Короткое, быстрееющее лето!

Чусовая, 1917.

забытый напев

Наведен за серую тучу,
Как в хлопья взметенных полотен,
И вот на пачерни учуют
Ее сребронегу оплота.

Быстреею взнесшейся ночью
Дождями косящею брови
Покроется мертвая почва,
Как владостью терпкой любви.

Серебряной пыли тот лепет
У ног пешеходов взошедший,
Целую погоду всебожий
Как пламенью песень—очей
Его же не зная, не смеет
О лике поля велеть—
И снова за сонною речью
Обычен забытый напев.

1916.

рубеж весны

Я принимаю синеглазых
Окраин вешних простоту
И странную вдыхаю ясьень
В засеребреншемся листу.

Что это будет—только очерк
Дивеева скита лазурь,
Иль буйный рост, как живопись, как роща,
Поющая и пьющая грозу.

Какой густой овладевает ветер
По заводям зацеловав траву,
И чуется, как цепенеет
От марта смерть в падучем покрову.

повесть лета

Жара выпивает воду,
И в небо—что в голубую трубу,
За сумные устья суток
Упев краснобурья в бору.

И породы на отдыхе года
Захолонут в пологах тенес,
Занемевши дремучею верой
До обычая вешних живес.

И от весн, от лица целины,
От праха взрыхленных обличий
Изумрудовый плен опыли,
Вознеси золотеющий вывод!

1965.

первоосень

Ты падаешь в сень сентября
Лежалое дремное жнивье
И влаготу весн затаят
Твой утренник—пламенный иней...

Но негу синели прияв
В узорник ветровых событий,
Твой тлен на листа острях
Ведется от века обычен.

1916.

Перед тем как ты встаешь
Голубою мглою выгнан,
Этот миг, чтобы надпить
Из криницы звонкой были

Точно к вечеру, когда
Заревой дугою стянут
Этот лес и облака
Виснут глубиною пьяной

Перед тем как отойти
Им в затон иной полночи,
Ты звончее напои
Пламенной влагой почек

И как родина—степь,
Это имя звучащее давней,
Чем любовь, что в тяжелом пласте
Залегала рудою на плавнях

Этот миг хорошеет, отметь,
Над черемух вскипевшей тропюю,
Что и снов раскаленная медь
В этом полдне, таком огромном.

И в топи вечерюющие уходя
Ко сну литвой целованного листья,
Как бы иной осенней свеи прикоснусь
И в этом золоте певучий перегар,
Смолистой крови жгучее монисто.

Сестре моей, ведь это ты велел
Ко льну прильнув у синевеи лета,
О ленных позабыв следах
Земле клонящегося света
Ленивую лазурь испить,
А там степями находить
Во сне какой не помню ветер..

Так вот они! летучие следы,
Дивеющего лета слепок,
Просторный шум за вечеревших райн,
Гряды бушующих упевок

Какой же дух земли тебя связал
В морских речей седое волнованье?

Оллила, 1917.

ведущий стих

Волн голубые дружины.

Идут голубые дружины
Ко сна золотым водопоям,
А ты по сиянью путины
Расплещешься звездным прибором

Где ив наклоненные веки
Глазами сверкалой снегурочки
Дружили, немея навеки,
С волною дремучей полуночи

А там золотистые земли
Любила жестокого тела,
Где оржаная дремлит
По сумеркам хмурая зелень

И в холодную проседь реки
Мирозданьем не ты ли летана,
Кружевами тяжелых раки
В омота обуянных преданий.

Когда б от веющих окрайн
Иные возникали нови—
Видений сумеречный рай
Вставал певучей поднят кровью.

И в час урочный, в немоту
Твоих слетевших градин точно
Потянется и тайный бор
Свидетелем сожженной ночи

А с золотых костров уж день
Последним углем тлелся там, где
Затеивал с лучем игру
Неузнанный тенями ангел.

СОДЕРЖАНИЕ

Поросль солнца
Пятнистою рудой в корнях
Как медленный полет птицы
Заповедное слово
Посмертье
Пыл липы весенней не свеяв
Теплоросье
Говорит подгромом
Узор сна
За март
Забытый напев
Рубеж весны
Повесть лета
Первоосень
Перед тем как ты встаешь
И в топи вечерюющие уходя
Бедущий стих
Когда б от веющих край

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

- Быт побегов. Москва, к-во «Лирень», 1918. (распродано)
Леторей. Москва, к-во «Лирень» 1915. (распродано).
Перосль Солица. Москва, 1918. (Распродано).
Радоуст. Собрание стихотворений. Рис. Ю. Анненкова
(печатается).
Фрагменты Новалиса в переводе Григория Петникова,
Москва, 1914. (Распродано).
Ученики в Сансе Новалиса, в переводе Григория Пет-
никова, 1920. (Распродано).
Поэмы Малларме в переводе Г. Петникова. «Всемирная
литература». (Готов. к печ.)
Люцинда Шлегеля в переводе Г. Петникова (Готовится).
Почерком Молний. (Готовится к печати).
Книга Марии—Зажги-Снега. Петербург, 1920. (Распрод.)
Поэзии в українському перекладі. В-во «Цех. Каменярів»
1920.
Ausgewählte Gedichte. «Skuthen» Berlin. (Готовится)

ВТОРОЕ

ИЗДАНИЕ